

На краю села Нырково раскинулся бывший барский пруд — широкий, илистый, поросший вдоль берегов камышом, кувшинками, ряской и прочей мокрой зеленью. В центре — большое водное пространство, на котором мелькают золотые и серебряные искры, оставляя после себя расходящиеся круги. То караси и рыба мелочь, которой здесь превеликое множество, спасаются от щуки или окуня.

С утра до ночи на пруду плавают, ныряют, крикают, гогочут домашние утки и гуси.

С приближением зимы, однако, редуют птичьи стаи. Хозяйки оставляют на племя лишь маток, крепких производителей да еще, до Рождества, молодых гусак. В последнее время в городах возобновилась мода на рождественского гуся, запеченного с яблоками, и перекупщики тут же надбавили цену за зимнюю птицу.

— На городском рынке такой гусь вдвое дороже стоит, — ворчат сельяне.

— Сами виноваты, — огрызаются заготовители. — Вы поглядите на своих доходах. Разве таким должен быть рождественский гусь? Он должен быть жирным, толстым, как поросенок, — вот тогда его с руками оторвут.

— Кто гусей покупает — за границей бывает, — поддакивает напарник. — Там что делают? За месяц до Рождества подвешивают гуся в сетку и кормят горохом, яблоками, орехами. Насильно в рот толкают!

— Орехи-то зачем? — недоумевают нырковцы.

— Чтобы мясо было вкусней, деревня! До того нежные становятся гуси — пальчики оближешь!

А разговор был за месяц с небольшим до Рождества.

— И почему ты купишь у меня такого гуся? — вылез вперед дед Смычка.

— Насчет цены разговор особый, — хитрили заготовители. — Но ты прикинь, дед, каким тяжелым станет твой гусь! Вдвое подрастет за месяц.

— От неподвижности и доброй пищи любой разбестя, как боров, — поддакивал его толстый напарник.

Легко и быстро загорался новыми идеями дед Смычка, а потому, придя домой, тут же разыскал три старые сетки из-под картошки и начал их прилаживать под потолком птичника.

— Ты чего опять затеял? — подозрительно спросила жена (боком иногда выходили чудачества мужа).

— Молчи, глупая! — ошетинился дед. — По научному методу будем откармливать гусей.

— Это как же?

— Очень просто. Им что нужно для сытости?

— Известно что — корм.

— «Корм»! — передразнил старик. — А они нажрут и бегают сломя голову, изничтожают калории. Недвижность нужна гусю, ясно тебе? Весь Запад так делает.

Баба Шура промолчала. Авторитет ли Запада сказался или очередная авантюра мужа не показалась слишком рискованной, но на трех гусей мысленно согласилась.

— Кормить сам будешь, — сказала, выходя.

Старик облегченно вздохнул (в новых проектах самым трудным был период согласования сторон) и принялся за дело.

Вскоре три сетки с гусяками качались под потолком. Старик при этом крепко досталось от испуганных птиц, но энтузиазм мирил с невзгодами.

— Погодите, черти! Я вам покажу, как драться, — говорил дед Смычка, потирая щипанные места. — Закормлю, чертеняки!

Гуси ворочались в своих путах, все пытались вырваться, взлететь, но сетки удерживали, как смирительные рубашки, и только головы на длинных шеях были свободны.

Старик сбежал домой, принес миску молока с кусками белого хлеба, но даже такое лакомство не стали есть пленники эксперимента.

— Глупые вы создания, — вздохнул дед Смычка. — Для вашей же пользы делается. Через месяц будете толстыми, как кадушки.

На другой день гусяки уже меньше дергались и с аппетитом склевывали все, что принес им старик.

— То-то же! — торжествовал экспериментатор. — Голод не тетка.

Дед самолично варил своим гусям горох и пшеничную полбу, сдабривал кашу маслом, всяческой зеленью, рыбьими потрохами. Шел Рождественский пост, мясо не ели, а рыбой старик промышлял регулярно; все отходы шли его гусям.

Баба Шура сбивала масло, творог пахтала, и потому в доме было много обрата, сыворотки, — они тоже отливались тайком для экспериментальных гусей. Супруга замечала, конечно, но ничего не говорила: не из дома тащит — в дом. Да и гуси дедовские, сказать по совести, росли как на дрожжах.

Гуси, действительно, толстели не по дням, а по часам. С непривычки они шалели от невиданных ранее деликатесов, глотали жадно, как привыкли это делать на свободе, пока другие не отняли, но даже тогда, когда наедались досыта, дед впихивал им в глотки все новые и новые порции. Скованные в движении, гуси и вырваться не могли, и отбиться от назойливого кормача тоже.

Чтобы не забыть, какому гусю он уже набил глотку, какому нет, старик всем дал клички. Одного звал Серым, другого Шипуном, а третьего, холмогорской породы, Крутолобым.

— Ну, Крутолобый, давай сюда свою шею. Ого! Да у тебя и шея, брат, все толще становится. Погодите, что будет, когда взвесят вас приемщики. Все село ахнет!

...Картофельные сетки были далеко не новыми. Да и взял старик, для экономии, самые дряхлые...

Однажды ночью Крутолобый почувствовал, как невидимые путы, на которых он сидел весь последний месяц, начинают расходиться, проваливаться вниз. Ноги его торчали наружу, он энергично заработал ими, пытаясь предотвратить катастрофу, но только ускорил ее. Ветхие нити окончательно порвались, и гусь выпал из тесного гнезда, как спелый каштан из дряблой оболочке.

По счастью, птичник был невысок, гуси висели в метре от пола, а пол укрывала солома, поэтому падение оказалось мягким. Вместе с тем холмогор поднялся с

трудом и стоял, качаясь как пьяный. Ослабшие от неподвижности ноги едва держали его грузное, ожиревшее тело.

Ранним утром хозяйка, как всегда, накормила птицу скромным завтраком из сечки пополам с половой и сеной трухой, а затем открыла дверцу птичника. Куры, гуси, утки одна за другой повыскакивали на свежий воздух.

Крутолобый с трудом доковылял до проема и еле-еле протиснулся в него, хотя месяц назад протетал пулей.

От белого снега и морозного воздуха у него перехватило дыхание. Он хотел, как прежде, пропеть гимн новому дню, но из горла вырвался лишь силпый хрип, а не задорное гоготание молодого гусака. Даже глотка подопытной птицы заплыла жиром.

Есть гусак не хотел и с великой тоской глядел вдаль, на знакомый с детства пруд. Среди заснеженного ледяного поля виднелся серый круг чистой воды и притягивал Крутолобого как магнит.

Зима запоздала в этом году, весь декабрь легкие морозы сменялись оттепелями, вот и осталась полынья посреди пруда — там, где били со дна подземные источники.

Гусь встал и пошел. С каждым шагом сил становилось все больше. Доброе питание давало о себе знать.

Тут послышался из птичника обеспокоенный голос старика: обнаружил пропажу. Крутолобый заметался по двору, замахал мощными крыльями и возле самой ограды, разбежавшись, перевалил невысокий сугробчик, прикрывавший верхнюю жердь.

Дорога к пруду спускалась под уклон; холмогор съехал по нему на собственном животе до самого льда и пошел, переваливаясь, к заветной чистой воде.

— Стой, паразит! — пыхтел сзади дед Смычка, но добежал до пруда и остановился: тонким был лед, ненадежным. — Вертайся назад, вражина! Кому говорят?!

Крутолобый и головы не повернул. Он добрался до полыньи и с победным гоготом плюхнулся в воду.

— Я т-тебя! — погрозил кулаком дед, оглянувшись по сторонам и потрусил домой. Увидят соседи — засмеют.

Через час, однако, наложив в миску гороха и полбы, щедро украсив блюдо капустными листьями, дед снова спустился к пруду и ласково позвал:

— Тега-тега! Иди ко мне, мой хороший. Гляди, какая вкуснятина.

Холмогор плавал возле ближней кромки льда, но, заслышав голос тюремщика, решительно погреб на середину полыньи.

— Ну, шельма, гляди у меня! Проголодаешься, сам прибежишь.

Гордый гусь повернулся к хозяину задом.

В открытом пруду и зимой есть чем поживиться. Холмогор отыскивал знакомое мелководье, нырял и наслаждался забытым вкусом водорослей, придонной мелкой живности, а иногда и рыбки, не успевшей ускользнуть от хваткого клюва.

Под вечер приходила сама хозяйка звать упрямого гуся, но и к ней он не пошел. Так и остался ночевать на пруду.

По большим праздникам село Нырково становится многолюдным. Съезжается молодежь, промышлявшая шабашками в Москве или Питере, привозит старикам богатые подарки и сама не прочь пустить пыль в глаза: знай наших! Особо любит запускать пиротехнику под Новый год.

Крутолобый уютно устроился в центре полыньи: ни люди его здесь не достанут, ни лиса. Толстый слой подкожного жира, теплый пух и плотные перья делали откормленную птицу совершенно нечувствительной к холоду.

Гусь засунул голову под крыло, прижал к животу лапы и лишь чуть-чуть пошевеливал ими, чтобы не снесло во тьме к краю полыньи. Никто не учил его искусству «ночной навигации», но даже в сонном забытьи гусь инстинктивно держался в самом безопасном месте. Миллионы поколений серых гусей, прародителей холмогора, передали ему эту науку по наследству.

Крутолобый сладко спал, когда над селом взвилась первая ракета, озарив все вокруг удивительным пурпурным светом. Раздался хлопок, гусь испуганно вскинулся и увидел, как вторая яркая звезда взлетела в темное небо и стала опускаться, разбрасывая вокруг себя изумрудно-зеленые искры. Третья была золотистой, четвертая голубой, а потом в небе вспыхнул целый букет разноцветных сверкающих звезд.

Бедный гусь метался по воде, ему казалось, что все они падают на него, и это было отчасти правдой: молодежь нашла, что запускать ракеты над водой гораздо интереснее: они отражаются в ней, удваивая эффект иллюминации...

Крутолобый оказался в эпицентре событий и всеобщего внимания.

— Смотрите, смотрите, лебедь! — кричала подвыпившая молодежь.

— Сама ты лебедь. Это гусь.

— Дикий гусь?

— Ну а какой же? Домашние все по домам.

— А давайте поймаем его, братцы!

— Ага... Попробуй, доберись до него.

— У меня ружье...

— И как ты его потом достанешь?

— Собаку надо охотничью.

— У моих предков спаниель...

— Ну и тащи ее сюда. А я гуся грохну.

— Перестаньте, ребята. Как вам не стыдно? Ему и так холодно, а вы как бандиты с большой дороги...

Чудом пережил новогоднюю ночь Крутолобый, девичья доброта спасла его.

Лишь под утро, измученный и обессиленный, забылся холмогор тяжелым сном. Ему снились золотые колючие звезды, обступившие его со всех сторон.

Проснулся гусак и ужаснулся: со всех сторон его окружал полупрозрачный колючий лед. Предутренный мороз делал свое дело.

Заметался Крутолобый, разбивая лед своим тяжелым телом, но мороз крепчал, и чистая вода на глазах покрывалась тонкой ледяной корочкой, которая с каждой минутой становилась все толще.

Оставалось одно: замерзнуть.

— Ну что, откормил гусей? — с издевкой спрашивала баба Шура своего непутевого супруга.

— А ты или не видишь, какие каплуны висят?

— Вижу. Брал трех, а висят два.

— Третий вон он — плавает.

— Так достань!

Старик чесал в затылке.

— Нешто к Бирюковым сходить? У них лодка есть...

В дверь постучали, вошел соседский парень Димка, а с ним его молодая жена, москвичка.

— С Новым годом! — сказали разом.

— И вам счастья, гости дорогие. Не желаете к столу?

— Нет, спасибо, баба Шура. Дело у нас к вам.

— Что ж за дело?

— Продайте гуся.

— Это какого?

— А который в пруду плавает.

Дед Smyчка опять вперед вылез:

— И сколько ж вы дадите за моего красавца? Имейте в виду: по особой методе выращен.

— Слыхали, дедушка... Вот вам тысяча. Хватит, нет?

У стариков глаза заблестели.

— Хватит-хватит, — сказала бабка и денежки забрала. — Только как же вы его достанете?

— Это наше дело, бабуля.

На воду спустили деревянную плоскодонку, она легко ломала неокрепший лед, и вскоре гусь-холмогор уже барахтался в большом рыболовном сачке.

Друзья поздравляли спасателей:

— Знатный гусь! Не прогадали.

— Зажарите на Рождество — всей компании хватит.

— Не для того спасали, чтобы съесть, — отрезала юная москвичка и повернулась к супругу: — Я его твоей маме подарю, можно?

— Твоя воля.

Пришла весна.

Крутолобый живет сегодня у доброй веселой хозяйки и является вожаком гусяной стаи. Крупнее и сильнее его нет гусака во всем селе. Шесть белоснежных гусынь его гарема одна за одной несут крупные серые яйца и тут же садятся на них, чтобы вывести к сроку желтых пушистых гусят.

Придет день, и гордый холмогор поведет их вереницей на пруд. Будет весна, яркое солнышко согреет его малышей, зеленая лужайка даст пищу, а воды старого пруда подхватят и понесут его семейство в солнечное лето.